

ТЕАТРАЛЬНЫЕ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Е. В. Гринева была въ свое время одною изъ известныхъ и любимыхъ артистокъ Петербурга. Годы ея служенія (съ 1834—60) совпали съ лучшимъ порой этого театра. Говорятъ что въ такихъ роляхъ, какъ наприимѣръ Корделія въ Лиръ, Оселія, Леди Анна въ Кингъ и Лиза въ Горе отъ ума она была неподражаема. Но въ драму она попала чисто случайно и неожиданно для самой себя. Въ школѣ ее готовили для оперы; у нея была небольшой, но хорошеый голосокъ, и самъ Глинка выбралъ ее въ свои ученицы и много занимался съ ней. Вотъ что между прочимъ, разсказываетъ о дебютѣ Гриневой внучка ея, М. Крестовская, въ Театральной Газетѣ. Однажды Гринева сидѣла на окнѣ одного изъ корридоръ театальной школы, разговаривая со своею подругой. Вдругъ мимо нихъ прошелъ Каратыгинъ, бывший, благодаря своему таланту и красотѣ, кумиромъ всей школы. Увидѣвъ Каратыгина, дѣвушки послѣшно спрыгнули съ окна и, краснѣя, присѣли ему; но онъ, едва кивнувъ имъ въ отвѣтъ, озабоченно прошелъ мимо. Всѣ знали что на другой день назначенъ былъ его бенефисъ, въ который онъ ставилъ въ первый разъ знаменитую въ послѣдствіи Парашу Сибирячку Полевого. Но утромъ этого дня разнесся тревожный слухъ что Каратыгинъ поссорился съ Асенковой и та, подъ предлогомъ болѣзни, внезапно отказалась играть, уѣхала съ репетиціи домой и возвратила свою, главную въ пьесѣ роль. Съ Каратыгинымъ у Асенковой были постоянные контры; но такъ рѣзко и коварно, какъ теперь это сдѣлала Асенкова, это было сдѣлано еще впервые. Каратыгинъ былъ взбѣшенъ и поклялся что на зло ей не отмѣнитъ спектакля. Но замѣнить Асенкову было не легко. Никто не рѣшался конкурировать съ ней, да времени оставалось такъ мало что выучить такую огромную роль всѣмъ казалось невозможнымъ, а провалиться, да еще въ такой день, какъ бенефисъ Каратыгина, когда театръ будетъ переполненъ лучшею публикой, съ Государемъ и Государыней во главѣ, никто не хотѣлъ. Всѣ совѣтовали Каратыгину отложить спектакль или пойти умолять Асенкову, но онъ не хотѣлъ никого слушать и кончилъ тѣмъ что убѣждалъ, сказавъ что откуда бы ни было да достанетъ Парашу. Немудрено что Каратыгинъ былъ озабоченъ, пробѣгая мимо Гриневой и ея подру-

ги. Онъ только мелькомъ сумрачно взглянулъ на нихъ, когда они присѣдали предъ нимъ. Но дойдя до корридора, онъ вдругъ точно раздумалъ, повернулъ назадъ и опять прошелъ мимо нихъ, но на этотъ разъ уже медленно и внимательно взглядываясь въ Гриневу. Вдругъ озабоченное лицо его просвѣтлѣло и оживилось. „Вы выпускная?“ спросилъ онъ ее. „Выпускная“... едва слышно прошептала Гринева. „Вы въ драму?“ — „Нѣтъ, въ оперу“... — „Ахъ досада!“ воскликнулъ Каратыгинъ съ неудовольствіемъ, и уже повернулся чтобы отойти, но опять передумалъ и какъ-то рѣшительно встряхнулъ головой. „А, да все равно, сказалъ онъ, махнувъ рукой, — ничего что нѣ оперу! Идите, барышня, за мной!“ И прежде чѣмъ она успѣла опомниться, быстро, чуть не бѣгомъ бросился впередъ; а Гринева невольно, не отдавая себѣ отчета, побѣжала за нимъ. Такъ они добѣжали до двери, на которой было написано „Театральная Контора“. Каратыгинъ распахнулъ дверь и Гринева увидѣла тамъ чуть не всю труппу. „Вотъ! воскликнулъ Каратыгинъ съ торжествомъ, — вотъ я нашелъ вамъ Парашу Сибирячку!“ Кругомъ всѣ ахнули и громче всѣхъ вскрикнула сама пораженная Гринева. Ее тотчасъ же всѣ обступили. „Да помилуй, Вася,“ сказала Сосницкій, —какая же это актриса, вѣдь это дитя!“ — „Что же такое что дитя,“ воскликнулъ запальчиво Каратыгинъ, — тѣмъ лучше, Параша тоже дитя! Вы только поглядите на нее, на ея лицо, на ея фигуру—вѣдь это же сама Параша Сибирячка! Чего же вамъ еще надобно!“ — „Да вы, милая, играли когда?“ спросилъ воспитанницу Сосницкій. — „Никогда,“ отвѣтила та чуть не плача, —я въ оперу...“ Поднялся страшный шумъ, всѣ говорили и спорили разомъ, доказывая Каратыгину всю нелѣпость его затѣи. Гринева стояла блѣдная и дрожащая отъ волненія, стыда и страха. Ей казалось что Каратыгинъ или помѣшался, или издѣвается надъ ней. „Да и наконецъ, — совершенно резонно замѣтилъ Сосницкій, —когда же она роль выучитъ, вѣдь на это по крайней мѣрѣ недѣлю надо!“ — „Вздоръ, вздоръ! закричалъ Каратыгинъ, —сегодня же выучитъ, времени еще пѣльный день есть сегодня, да завтра, да ночь еще! Память молодая, выучитъ!“ Воспитанница съ ужасомъ увидѣла толстую рукописную тетрадь и невольно отступила назадъ. — „Не могу, сказала она со страхомъ. — „Можете, можете! закричалъ Каратыгинъ. — Она сама не знаетъ что мо-

жетъ, мой бенефисъ—мое и дѣло. Я беру ее на свою отвѣтственность.“ Но Гринева, убѣдившаяся что дѣло не шутка, окончательно растерялась и заплакала. — „Вотъ она у тебя и на спектакль завтра также расплачется!“ сказалъ насмѣшливо Сосницкій. Но Каратыгинъ не смутился и этимъ. „Пусть расплачется, настоячиво сказалъ онъ, —Параша и должна плакать, а публика по крайней мѣрѣ хотъ разъ увидитъ на сценѣ настоящія слезы!“ — „Я не могу играть,“ Василий Андреевичъ, отпустите меня, ради Бога!“ сказала Гринева съ мольбой. Но Каратыгинъ вдругъ вскоцилъ и замахалъ руками. — „Не можете! Не можете! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ—значитъ и вы также хотите погубить меня вмѣстѣ съ Асенковой! Вѣдь вы слышали, что она со мной сдѣлала! какъ подвела! Что же вы хотите окончательно погубить меня? Хотите? Да?“ — „Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!“ проговорила Гринева, вся дрожа. Поступокъ Асенковой искренно возмущалъ ее и конечно она всѣми силами готова была помочь, чѣмъ можетъ, ихъ всеобщему кумиру; но играть казалось ей такъ страшно. — „А если не хотите, продолжалъ Каратыгинъ, такъ будьте умницей и играйте! Выучите только роль, а сыграете вы ее отлично! Главное, оставайтесь только такою, какъ вы есть, да глядите на публику вотъ такими кроткими, умоляющими глазами, и все пойдетъ превосходно!“ Воспитанница вернулась къ себѣ какъ во снѣ. Подруги ея, уже узнавшія что Каратыгинъ „похитилъ“ зачѣмъ-то Катеньку Гриневу, обступили ее и съ любопытствомъ разспрашивали что такое съ ней случилось? Но прибѣжавшій Каратыгинъ, который уже успѣлъ заручиться согласіемъ театральнаго начальства, попросилъ ихъ всѣхъ разойтись и не мѣшать. Онъ разказалъ Гриневой сначала сюжетъ самой пьесы, потомъ указалъ на главные черты и моменты въ ней и въ заключеніе разъяснилъ характеръ самой Парашы. Каратыгинъ былъ человекъ страстный, горячій и увлекающійся. Онъ чуть не плакалъ отъ восторга, видя, какъ скоро эта, случайно на обумъ выбранная имъ, дѣвочка вникаетъ въ роль и заинтересовывается ею. Воспитанница, увлекшись своею ролью, съ волненіемъ проучила ее весь день и почти всю ночь, заснувъ уже подъ утро, на какіе-нибудь три, четыре часа. Рано утромъ онъ опять прибѣжалъ за ней и отвелъ на репетицію. Повсюду—на сценѣ, въ кулисахъ, въ ближайшихъ ложахъ и пар-

терѣ—было столько народа что у блѣдной Гриневой, понимавшей что все это собралась нарочно чтобы только посмотрѣть, а быть можетъ и посмѣяться надъ ней, невольно упало опять сердце и задрожалъ голосъ. Каратыгинъ не отходилъ отъ нея и старался защищать и ободрять ее. Робко, чуть слышно, начала воспитанница репетировать свою роль. Участвовавшіе вмѣстѣ съ ней актеры и актрисы посмѣивались между собой и небрежно подавали ей реплики. Но Каратыгинъ такъ гнѣвно посматривалъ на всѣхъ своимъ „орлинымъ“ взглядомъ что насмѣшки мало по малу затихли, репетировавшіе поткнулись, Гринева опять ободрилась. Весь день воспитанница не могла ни вѣсть, ни пить ни думать ни о чемъ, кромѣ предстоявшаго ей страшнаго испытанія, и только горячо молилась чтобы Господь помогъ ей вечеромъ. Роль свою она знала уже „на зубокъ“, но все таки не разставалась съ ней ни на минуту. Наконецъ настала вечеръ; за Гриневой пріѣхала знаменитая театральная карета, и когда она сѣла въ нее, то опять не выдержала и горько расплакалась, потому что ей казалось что ее везутъ не то на казнь, не то къ вѣнцу. Въ театрѣ Каратыгинъ уже дожидался ее. Онъ передалъ ее съ рукъ на руки ко-стюмершѣ, и какъ только ее загримировали и одѣли въ простое крестьянское платье и лапти, прибѣжалъ въ уборную, осмотрѣлъ ее и самъ поправилъ на ней каждую складочку. Между тѣмъ ея исторія уже разнеслась въ публикѣ, и ждали только Государя, чтобы анонсировать что вмѣсто заболѣвшей Асенковой роль Парашы исполнитъ воспитанница Гринева. Носились разные тревожные слухи, всѣ чего то ждали, и за кулисами каждый стулъ, каждое свободное мѣстечко были заняты любопытными. Гринева сидѣла въ уборной и только молилась. Наконецъ Государь пріѣхалъ, и почти тотчасъ же раздавался звонокъ въ началу. Каратыгинъ перепрестилъ Гриневу нѣсколько разъ, шепча поблѣднѣвшими губами какую то молитву и умоляя ее не бояться, а вѣдѣвъ за нимъ сейчасъ же прибѣжалъ режиссеръ и велѣлъ ей выйти и стоять наготовѣ подлѣ него. Воспитанница машинально пошла за нимъ; въ ухахъ у нея звенѣло, въ глазахъ отъ волненія все сливалось и она боялась только одного — какъ бы не упасть въ обморокъ. Но несмотря на свое волненіе, она все-таки успѣла замѣтить что въ противоположной кулисѣ сто-

ить Асенкова, въ широкой, домашней блузѣ, облокотившись на руку кого-то изъ актеровъ, и смѣется, смотря въ ея сторону. Потомъ кто то сказалъ ей: „Идите!“ Кто-то схватилъ ей руку и толкнулъ впередъ; кто-то распахнулъ предъ ней дверь на сцену и она очутилась прямо предъ лицомъ задитой огнями зрительной залы, и въ тотъ же моментъ, едва она переступила пороговой для нея порогъ, раздался вдругъ взрывъ громкихъ, горячихъ рукоплесканій. Это Каратыгинская партія, на зло Асенковой, встрѣчала прямо аплодисментами никому неизвѣстную, молоденькую „воспитанницу Гриневу“. Въ противность всякимъ теоріямъ вѣроятности, Гринева сыграла такъ хорошо и неожиданно для другихъ и себя, создала изъ Парашы такой поэтичный и трогательный образъ, какъ нельзя лучше гармонировавшій съ ея нѣжною дѣвичествою фигурой и полудѣтскими еще личикомъ, что съ конца перваго же дѣйствія зала загремѣла отъ рукоплесканій, и уже не на зло Асенковой, а искренними и заслуженными. Съ перваго же антракта за кулисы стала приходиться публика. Всѣ восхищались ею, поздравляли ее и Каратыгина, и Каратыгинъ торжествовалъ. Въ концѣ втораго акта Гринева видѣла, какъ Асенкова, поблѣднѣвшая и недовольная, и на которую Каратыгинъ бросалъ насмѣшливые взгляды, уѣхала изъ театра; послѣ третьяго дѣйствія на сцену пришелъ Государь. Онъ былъ очень доволенъ и пьесой, и бенефисомъ, и дебютанткой. — „Гдѣ ты досталъ такую славную Парашу?“ спросилъ онъ у Каратыгина. — „Вдохновеніемъ, ваше императорское величество, вдохновеніемъ, чутьемъ!“ воскликнулъ радостно Каратыгинъ и вкратцѣ разказалъ Государю, какъ онъ случайно нашелъ воспитанницу. „Ну тонкое у тебя чутье“, сказалъ улыбаясь Государь, и прибавилъ что, по его мнѣнію, изъ воспитанницы должна выработаться прекрасная артистка. Слова эти, сказанныя вслухъ и при всѣхъ, окончательно рѣшили участь Гриневой. Въ тотъ же вечеръ ей объявили что она будетъ выпущена въ драму, а не въ оперу, какъ предполагалось сначала. Параша же Сибирячка сдѣлалась модною пьесой того сезона, и ее пересмотрѣлъ весь Петербургъ, интересовавшійся главнымъ образомъ молоденькою воспитанницей, которая такъ случайно и неожиданно сдѣлалась любимицей публики.